УДК 92/93

Е. Н. Груздева

Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца

(Реконструкция событий по архивным материалам)[1]

Приват-доцент Санкт-Петербургского университета филолог Владимир Николаевич Перетц в 1903 г. получил и принял предложение Киевского университета св. Владимира занять должность профессора по кафедре русского языка и словесности. В Киеве он проработал последующие 10 лет[2]. Всё это время ученый внимательно следил за перемещениями в профессорской среде столичного университета, не оставляя надежды вернуться в свою alma mater. Неоднократно он выражал готовность участвовать в конкурсах по замещению освободившихся вакансий (в письме от 31 декабря 1911 г. даже просил поддержки в этом у А. А. Шахматова[3]). Однако большое число претендентов, строгий отбор кандидатов членами университетской корпорации и непримиримые «старые счеты» В. Н. Перетца и И. А. Шляпкина, мнение которого имело вес на историко-филологическом факультете, исключали подобное избрание.

Перспектива возвращения в родной город появилась, когда А. А. Шахматов заговорил о «возможности встречи в Академии наук». Впервые эта тема в переписке двух ученых зазвучала на рубеже 1911 и 1912 гг.[4] В. Н. Перетц поначалу даже не принял разговор всерьез: «Сто́ит ли утешаться перспективой быть Вашим сотрудником в Академии, когда последняя, усердно разыскивая себе даже членов-корреспондентов среди иностранных ученых, забывает русских... или — выбирает ученика, забывая учителя...»[5] Но А. А. Шахматов продолжал

обдумывать идею выдвижения киевского коллеги, причем минуя звание члена-корреспондента, сразу в действительные члены Академии, считая, что для этого есть все основания: успешная и весьма плодотворная научная деятельность Перетца, начатая в 1892 г., была посвящена исследованию великорусской и малорусской древней литературы, народной словесности, преимущественно поэзии, и истории театра на Руси — т.е. темам, входившим в круг интересов ОРЯС.

По существовавшей неофициальной традиции, прежде чем проводить голосование кандидатур на заседании ОРЯС, академики рассматривали возможных претендентов кулуарно, стараясь прийти к единому мнению. Последующие протокольные заседания Отделения, как правило, уже проходили без возражений и споров. Когда в 1913 г. началось обсуждение кандидатур на открывшиеся вакансии, прозвучало и имя В. Н. Перетца. В письме от 21 марта 1913 г. А. А. Шахматов доверительно сообщил В. Н. Перетцу: «Сегодня после заседания Отделения мы (Фортунатов, Котляревский, Миллер и я) остались вчетвером и подняли вопрос о новых членах. Н. А. Котляревский назвал Вас и только Вас в качестве желательного кандидата. Миллер поддержал его. Горячо поддержал, конечно, и я. Вопрос поднимем в ближайшем осеннем заседании. Весной мы уже не соберемся в полном составе. Итак, дело только за Истриным и Соболевским. Корш будет за Вас. Радуюсь возможности видеть осуществление того, что я давно желаю. Радуюсь за Отделение, в которое Вы внесете, конечно, оживление»[6].

Приведенная версия А. А. Шахматова в некоторых деталях не совпадает с рассказом Н. А. Котляревского, известным по дневниковой записи его сотрудницы Е. П. Казанович: «Перетц считается моим ставленником, а я его и в глаза не видел. Когда пришло время выборов, Шахматов стал издали заговаривать о Перетце, хвалил его и всё добивался моего мнения. Я сначала отмалчивался, потому что нечего было сказать: не читал его ни строчки, — потом вижу, что человеку уж очень хочется Перетца, а какие-то личные соображения не позволяют самому ему выставить его кандидатуру <...> я в один прекрасный день и говорю: «А что, Алексей Александрович, ведь кроме Перетца, пожалуй, и некого выбирать». Шахматов так и просиял! «Да? говорит, и Вы так думаете?» А что я думаю! Ничего и не думаю. Не всё ли мне равно, Перетц или Сперанский, или еще кто-то! «Да уж так, говорю, Алексей Александрович». «Так знаете что, Вы и предложите его», говорит. Я знал, что к этому пойдет. «Хорошо, говорю, предложу, только с одним условием: напишите сами отзыв». Так и было»[7].

На полученное известие о своем выдвижении В. Н. Перетц откликнулся с благодарностью, но и с известной долей сомнений: «Рад, что половина Отделения хорошего мнения обо мне. Что скажет другая половина — покажет будущее. И если даже Ламанский, Ягич, Соболевский и Истрин будут против моей кандидатуры, я все-таки чувствую большое нравственное удовлетворение от того, что кроме Вас, в чье расположение я искренне верю, оказались настроенными в мою пользу Н. А. Котляревский и Вс. Ф. Миллер — от которых я ничего не ожидал,

ведь они меня совсем не знают!.. Вы знаете, я почему-то думаю, что в Отделении будет особенно против меня <...> Алексей Иванович (Соболевский. — *Е. Г.*)! При всем моем уважении к нему как к ученому должен сознаться, что я — наиболее преуспевающий из его учеников — всегда пользовался наименьшим расположением с его стороны. Ведь в свое время в Археологическом институте я получил его лекции по настоянию Кондакова!! Вот еще вопрос, что он скажет...» (подчеркнуто В. Н. Перетцем. — *Е. Г.*)[8] О будущем голосовании академиков Перетц, конечно, не мог не думать в течение долгих лета и осени. Взвешивая все «за» и «против», он мучительно сомневался в положительном исходе выборов. Незадолго до назначенного на 1 октября 1913 г. заседания ОРЯС он писал А. А. Шахматову: «Относительно дела, интересующего и меня (особенно) и Вас, — я держусь весьма скептического мнения; против меня слишком много голосов: я сомневаюсь в Кондакове, Соболевском, Истрине; Ламанский и Ягич — в отсутствии, Федор Евгеньевич (Корш. — *Е. Г.*) также. Весьма возможно, что ответом на эту мою эпистолию будет известие о провале: слишком мало я чувствую за собою бесспорных оснований ожидать столь высокой чести»[9].

Между тем выборы приближались, и их подготовка вступила в основную фазу: 30 ноября 1913 г. А. А. Шахматов по поручению ОРЯС обратился к В. Н. Перетцу с формальным вопросом, согласен ли тот баллотироваться «на одну из свободных вакансий ординарного академика по названному Отделению»[10]. В письме сообщались сведения об окладе академика, дополнительных льготах и об обязательном условии проживания в Петербурге. Выборы в Отделении были назначены на 12 декабря 1913 г.

На «официальную бумажку» В. Н. Перетц ответил соответствующим образом, заверив, что с благодарностью принимает лестное предложение II Отделения Академии наук[11], а в частном письме А. А. Шахматову признался: «...если провалюсь — то ничего не потеряю, только лишнее огорчение...»[12] Накануне заседания Шахматов получил еще одно письмо из Киева: «Я не хочу волновать своих близких людей — ни известием о провале, ни преждевременной радостью в случае успеха. <...> исход Вы будьте любезны сообщить мне письмом, закрытым как всегда, лучше — заказным. Может быть, это всё до нелепости конспиративно и кажется излишним; но даже в случае благополучного исхода в Отделении — я не хотел бы, чтобы даже слух проник в Киев: могут поднять агитацию черносотенцы и повредить. Да и вообще — об успехе и неуспехе я предпочел бы в Киеве умолчать: с одной стороны — пища злорадству, с другой — шипение гусей» (подчеркнуто В. Н. Претцем. — *Е. Г.*)[13].

Надо пояснить, что в Киеве В. Н. Перетц почти с первых месяцев работы находился в конфронтации с правыми националистами-черносотенцами, занимавшими многие высокие должности в городе и в Университете св. Владимира. Так, непримиримыми противниками его были коллеги-профессора Т. Д. Флоринский[14] и Ю. А. Кулаковский[15], профессор Духовной академии С. Т. Голубев[16], журналист и депутат IV Госдумы от Киева А. И. Савенко[17] и другие члены

Клуба русских националистов. Причем критике подвергалась и научная, и общественная, и педагогическая деятельность Перетца. Как филолог он продолжал начатое еще в Петербурге изучение украинского языка и литературы и явно поддерживал сторонников возвращения всех прав официально запрещенной украинской мове[18]: в 1905 г. вместе с другими учеными подписал адресованную в Кабинет министров России официальную записку Российской академии наук «Об отмене стеснений малорусского слова» в поддержку прав на свободное развитие украинского языка и литературы, свободы печати; в 1906 г. «обосновал в печати... проект учреждения в университетах «украинских кафедр» — для преподавания украинской литературы, языка, истории, этнографии и обычного права»[19]; начиная с 1905 г. неоднократно публиковал свои статьи в изданиях Львовского научного общества им. Т. Шевченко, печатавшихся на украинском языке[20]. Когда после провозглашения демократических свобод в Киеве в 1907 г. было основано Украинское научное общество, преследовавшее задачу организации национальной науки на Украине и популяризации родного языка, В. Н. Перетц стал его активным участником: возглавлял филологическую секцию и был одним из редакторов печатного органа общества. Такое его поведение сторонники «единой России» расценили как предательство и ученый был отнесен к неблагонадежным «мазепинцам» — украинским сепаратистам.

Под пристальным вниманием черносотенцев работал и домашний семинарий профессора В. Н. Перетца по истории русской филологии[21]: его привлекательность для молодежи и научные успехи участников, — всё вызывало неприятие киевских «патриотов»[22]. На Перетца неоднократно писали доносы[23], после которых начальство требовало письменных объяснений; в городских газетах появлялись статьи с прямой или завуалированной критикой деятельности ученого. В начале 1911 г. газеты «Новое время» и «Киевлянин», намекая на его активную преподавательскую и административную деятельность в университете[24], писали, что украинофилы завладели филологическим факультетом, а в одном из номеров «Киевлянина» даже было изображение того, как киевские «мазепинцы» готовят «вооруженное восстание»[25].

В связи с выборами в академики В. Н. Перетц опасался, что, используя связи со столичными единомышленниками, киевские черносотенцы могли помешать избранию. Даже в само́м Отделении русского языка и словесности среди выборщиков были члены Русского собрания и Союза русского народа — А. И. Соболевский и Н. П. Кондаков, а в Общем собрании, следующей инстанции выборов, правых было гораздо больше.

Опасения В. Н. Перетца были небезосновательны. Тем бо́льшей неожиданностью стала телеграмма, отправленная А. А. Шахматовым сразу после завершения заседания ОРЯС, и сообщавшая, что его кандидатура поддержана единогласно. Баллотировка 12 декабря 1913 г. производилась членами выборной комиссии — академиками В. М. Истриным, Н. А. Котляревским, А. И. Соболевским, Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым[26].

Восторженное письмо, отправленное в ответ на телеграмму, тем не менее содержало повторно высказанную просьбу: «чтобы до окончательного решения вопроса... никто в Киеве не знал» о ходе выборов. «Я заразился конспиративным духом, — признавался В. Н. Перетц, — и думаю, что нечего давать пищу людскому злонравию. Ведь когда «промчится» весть — с одной стороны могут быть предприняты ходы против моего утверждения, а с другой — мне отравят последние месяцы пребывания в Киеве...» (подчеркнуто В. Н. Перетцем. — *Е. Г.*)[27]. Однако соблюсти конспирацию не удалось: уже 15 декабря 1913 г. местные газеты раструбили новость об избрании в ОРЯС сразу двух киевских профессоров: Перетца и В. С. Иконникова[28], прошедшего кандидатом на вторую вакансию. Поздравления с успешной баллотировкой только прибавляли сомнений герою дня: «Я пришел к убеждению, что мое дело в Общем собрании — вещь, мало внушающая уверенность: ведь я не всеобщая знаменитость, о которой не может быть спора, а один из провинциальных профессоров, если и известных чем-либо, то только энергией; я l'homme d'action[29] — вот и всё. Значит, обо мне могут быть споры, а когда из Киева в Питер едут Довнар-Запольский[30], уже года два перекочевавший в черный стан... и Кулаковский, да еще напишут обо мне Сонину[31] — Граве[32], его зять, а еще кому-нибудь — Флоринский; да мой дядя Ваня[33] сочтет для себя унижением, что я буду также в Академии, да Фаминцын, который, как говорят, всем кладет черняки. <...> то в итоге мои шансы весьма зыбки»[34]. В дальнейшем опасения В. Н. Перетца только усиливались: «У Киевских воротил кислые лица. Ардашев[35], Довнар и Голубев уехали в Петербург и постараются, конечно, при удобном случае — а может быть и нарочито — повредить мне в Общем собрании инсинуациями политического свойства, изображая меня «опасным» украинофилом «революционером»: ведь у нас к[а]д[ет] уже революционер!»[36] А. А. Шахматов, стремясь поддержать Перетца, писал: «Разумеется, трения могут быть. Надо будет подготовить Вашу кандидатуру в Общем собрании. Не думаю, чтобы вышли затруднения при Высочайшем утверждении. Президент дал свое согласие»[37]. Новая кандидатура в академики согласовывалась с Президентом АН еще до выдвижения ее на голосование в Отделении[38].

Между тем в Петербурге уже готовился следующий этап выборов — окончательное голосование в Общем собрании АН. Для назначения даты баллотировки председательствующий ОРЯС должен был передать непременному секретарю Академии результаты голосования членов Отделения и «Записку об ученых трудах» кандидата. По уже упоминавшейся традиции такую «Записку» составлял тот, кто предложил кандидатуру избранника. Н. А. Котляревский, как мы помним, передал эту обязанность А. А. Шахматову, но, по-видимому, всё же принимал участие в составлении отзыва о научных работах В. Н. Перетца. Оба академика просили кандидата выслать необходимые сведения: А. А. Шахматов — полный хронологический список всех его печатных работ и автобиографию, а Н. А. Котляревский — резюме работ по новой литературе[39].

Когда «Записка» была готова и подписана «Н. Котляревским, А. Шахматовым, Ф. Фортунатовым, А. Соболевским», она вместе с сообщением о выборах и выпиской из протокола ОРЯС 8 января 1914 г. легла на стол непременного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга[40]. О поддержанных Отделением кандидатах было объявлено на Общем собрании 18 января 1914 г.[41]

Окончательное голосование назначили на следующее заседание, 8 февраля 1914 г. В этот день, согласно протоколу Общего собрания АН, присутствовали 24 академика. Число голосов, считая и голос отсутствовавшего Президента АН, который тот передал вице-президенту, было 25 и необходимое для успешного голосования законное большинство ($^2/_3$) составляли 17 избирательных голосов. После состоявшейся баллотировки и подсчета белых и черных шаров был объявлен результат: за кандидатуру В. . Н. Перетца проголосовали 18 человек, против — 7[42]. То есть число высказавшихся «за» превысило обязательный минимум, хотя и всего лишь на один голос. Избрание Перетца состоялось.

Академики-словесники сразу после заседания направили в Киев поздравительную телеграмму. В. Н. Перетц в тот же день отослал «выражение благодарности за поздравление и участие в устройстве моей судьбы всем подписавшим телеграмму»[43], а А. А. Шахматову признался, что решения Академии «уже несколько дней ждал и нервничал до потери сна!»[44].

Академия письмом от 11 февраля 1914 г. известила ректора Киевского университета св. Владимира об избрании профессоров В. Н. Перетца и В. С. Иконникова[45] в академики, запросила, нет ли препятствий со стороны университета назначению названных ученых на службу в АН, и просила выслать копии с их формулярных списков[46]. Поскольку возражений не последовало, университетская канцелярия начала готовить документы. Зная о неторопливости российского делопроизводства, Перетц прикидывал сроки: «Мой формуляр будет отправлен в Академию в понедельник 17-го. Там дело полежит с неделю, потом еще постранствует недели три, и может быть через месяц и дождусь итогов всего того, что так меня волнует»[47].

Однако успокаиваться было еще рано. Избрание новых членов Академии должно было пройти обязательную процедуру утверждения императором. Обычно документы для всеподданнейшего доклада готовило Министерство народного просвещения, в чьем подчинении состояла Академия наук. При этом разные лица могли оказать влияние на прохождение бумаг и дать нелестный отзыв об избранниках. В. Н. Перетц строил предположения: «Я не знаю, чрез кого пойдет дело обо мне на доклад царю. Его, опасаюсь, могут настроить или подсказать отрицательное отношение ко мне. Конечно, если он скажет великому князю, что я — «жид», тот с полным правом добавит — «и внук статс-секретаря вашего Величества», ибо К. Р. знавал деда и относился к нему с уважением[48], о чем как-то сам упоминал. Но если дело идет чрез Кассо — тут мне может быть хуже: этот не посмеет ничем отозваться, дать реплику, ибо против меня его настроят враждебно, а охранять достоинство Академии, избравшей меня, он

не станет. Впрочем, я и в первом случае не уверен» (подчеркнуто В. Н. Перетцем. — *Е. Г.*)[49].

Каждый день приносил новую информацию. 24 февраля 1914 г. В. Н. Перетц писал: «Я узнал, что в Петербурге разные грязные личности, не брезгующие даже анонимными письмами, воспользовались случаем, чтобы обругать меня. <...> П. В. Никитину, который ко мне относится благожелательно, было прислано анонимное ругательное письмо за то, что он, «кадет Никитин» помог пройти в Академию «жиду-предателю» (т.е. мне), за что потомство «вобьет осиновый кол» в его (Никитина) гроб. Это письмо мне показал мой коллега, <...> которому Петр Васильевич писал о моих выборах в весьма дружественном для меня тоне»[50].

Беспокойство всё больше захватывало и А. А. Шахматова. Он всерьез опасался возможных интриг и 1 марта 1914 г. признавался В. Н. Перетцу: «Меня сильно тревожит неизвестность. Неясны размеры кампании, ведущейся из Киева»[51]. Когда прошло уже больше месяца после голосования в Академии, а дело с утверждением избрания не двигалось, 18 марта 1914 г. он поделился сомнениями с В. М. Истриным: «Заботят меня вопросы о Перетце: ну, как его не утвердят?»[52] Наконец, Шахматов счел необходимым обратиться к Президенту Академии. 28 марта 1914 г. он послал великому князю Константину Константиновичу письмо на бланке II Отделения Академии наук, дабы подчеркнуть его официальный характер. В письме председательствующий ОРЯС выражал беспокойство усилением агитации против Академии наук, исходящей из националистических кругов, упрекающих российских ученых в непатриотическом поведении. Поскольку злободневными оставались вопросы признания прав малорусского языка как национального и участия российских ученых в малорусских научных изданиях, избрание в академики В. Н. Перетца могло быть превратно истолковано как подтверждение антирусской политики Академии. А. А. Шахматов писал: «Избирая В. Н. Перетца, предложенного Н. А. Котляревским, стоящим далеко от всякой политики, и поддержанного А. И. Соболевским, Отделение имело в виду его отличные труды по истории русской литературы и его блестящую преподавательскую деятельность в Университете св. Владимира. В. Н. Перетц никакого участия в украинофильской агитации не принимал и не принимает. Он выучился в Киеве говорить и писать по-малорусски, он занимается историей малорусской литературы преимущественно XVI–XVII вв. Но конечно, этого нельзя поставить ему в вину, это до́лжно поставить ему в заслугу». В заключении письма академик обращался к великому князю за поддержкой: «Опасаясь, что при представлении В. Н. Перетца на утверждение Его Императорского Величества могли бы возникнуть в Министерстве народного просвещения колебания и затруднения, я считаю своею обязанностью донести Вам об этих моих, быть может, и недостаточно основательных опасениях, дабы Вы могли своевременно поступить так, как найдете полезным в интересах Академии наук и Второго ее Отделения»[53].

30 марта 1914 г. Президент АН ознакомился с письмом и, по-видимому, решил взять дело под свой контроль. Через неделю, 7 апреля 1914 г., В. Н. Перетц писал в столицу: «Из Министерства мне сообщили, что мое дело пойдет чрез Президента непосредственно в высшую инстанцию, а потому Министерство в это дело не вмешивается. Стало быть, — не важно, есть ли там благоприятные течения и благоприятные лица. Те, от кого я это слышал, пишут, что в Министерстве уверены в том, что сомневаться нечего». И всё же он признавался: «...пока ежедневно разворачиваю газету с трепетом»[54].

Наконец дело разрешилось: высочайший приказ по гражданскому ведомству, утверждающий избрание в ординарные академики ИАН по ОРЯС Владимира Николаевича Перетца, был подписан 14 апреля 1914 г.[55]

Однако главный персонаж этой истории о ее завершении еще ничего не знал: о царском приказе официально не сообщалось 10 дней, в течение которых В. Н. Перетц по-прежнему с волнением следил за петербургскими новостями. 23 апреля 1914 г. он рассуждал: «В газете прочел, что Президент теперь в Тифлисе. Стало быть, либо мое дело уже решено — либо отложено на осень. Думаю, первое вернее»[56]. Правительственное сообщение было опубликовано лишь 25 апреля 1914 г.[57] На следующий же день, 26 апреля, письмом за подписью непременного секретаря С. Ф. Ольденбурга Академия уведомила Перетца об утверждении его в звании академика и пригласила пожаловать на заседание Общего собрания 3 мая с.г.[58] Однако первым, кто сообщил благую весть Перетцу, был А. А. Шахматов: его поздравительную телеграмму доставили ночью — с 25 на 26 апреля. Утром новость уже стала достоянием киевских газет, и В. Н. Перетц мог признаться: «Трудно себе представить какое бремя свалилось с моей души. Я мучился сомнениями ужасно. И всего отвратительнее было злорадство черной сотни, которая уж торжествовала <...> ведь меня в противном случае эти господа оболгали бы так, что Министерство выгнало бы со службы самым безобразным способом!»[59]

После благополучного завершения кампании по избранию в академики В. Н. Перетц начал готовиться к переезду в столицу к новому месту работы.

Время показало, что Отделение русского языка и словесности приобрело в его лице деятельного и энергичного сотрудника, неоднократно оправдавшего оказанную ему академической корпорацией поддержку.

---

1 Исследование проведено при поддержке РФФИ (грант № 18-09-00032).

2 Подробнее об этом см. статью: *Груздева Е. Н.* Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 150–166.

3 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 133 об.

4 Там же. Л. 134 об.

5 Там же. Л. 135.

6 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 10–10 об.

7 ОР РНБ. Ф. 326 (Казанович). Д. 19. Л. 31–31 об.

[8] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 174–174 об.
[9] Там же. Л. 191–191 об.
[10] РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 11–11 об.
[11] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 987. Л. 11–11 об.
[12] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 200 об.
[13] Там же. Л. 201–202.
[14] Флоринский Тимофей Дмитриевич (1854–1919) — славист, профессор Киевского университета, правый политик, почетный член Киевского клуба русских националистов.
[15] Кулаковский Юлиан Андреевич (1855–1919) — филолог-классик, историк, археолог, профессор Киевского университета; член общества «Русское собрание», Совета Киевского клуба русских националистов.
[16] Голубев Степан Тимофеевич (1848–1920) — церковный историк, член-корр. ИАН (1908); профессор Киевской духовной академии и Киевского университета; член Киевского клуба русских националистов.
[17] Савенко Анатолий Иванович (1874–1922) — юрист, публицист, общественный и политический деятель, сотрудник «Киевлянина» и др. киевских газет, один из основателей и руководителей Киевского клуба русских националистов.
[18] В Российской империи украинский язык назывался «малороссийским наречием русского языка». Указами 18 и 30 мая 1876 г. Александр II запретил «печатание и издание на малороссийском языке всякого рода сочинений, за исключением исторических документов, словарей и произведений изящной словесности» (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1905). Д. 22. Л. 2). Этот запрет был снят после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г., но спор о том, является украинский язык самобытным языком или одним из наречий русского языка, еще долго не утихал. В годы политической нестабильности и борьбы за право Украины на национальную самостоятельность эта лингвистическая полемика приобрела и политическую окраску.
[19] *Перетц В.* К вопросу об учреждении украинских кафедр в университете // Киевская старина. 1906. Т. XCIII. Май–июнь. Разд. «Документы, известия и заметки». С. 43–49.
[20] Поскольку на территории Западной Украины, входившей в состав Австро-Венгрии, национальные языки не были запрещены, то Галиция и ее столица Львов стали центром легального украинофильства.
[21] Подробнее о нем см., напр.: *Робинсон М. А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004.
[22] Совет факультета, считая, что «культурный сепаратизм гораздо опаснее политического» (слова Т. Д. Флоринского), отказывал в оставлении при университете талантливым выпускникам, за которых ратовал В. Н. Перетц, — И. И. Огиенко, Е. К. Тимченко и др.
[23] Например, 5 февраля 1910 г. В. Н. Перетц писал: «От попечителя в Министерство, а затем оттуда обратно идет на меня кляузный донос, будто у меня на практических занятиях в университете читаются доклады на украинском языке» (СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 95 об.).
[24] Поскольку декан историко-филологического факультета часто и подолгу отсутствовал, В. Н. Перетц как секретарь фактически руководил факультетом, вокруг него объединялись прогрессивно настроенные преподаватели, составлявшие оппозицию «славянобесию».
[25] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 115.
[26] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 987. Л. 12.
[27] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 203 об. — 204.
[28] Иконников Владимир Степанович (1841–1923) — литературовед, историк, историограф, профессор Киевского университета.
[29] L'homme d'action (*фр.*) — человек действия.
[30] Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) — историк, этнограф, фольклорист, экономист, профессор Киевского университета.

[31] Сонин Николай Яковлевич (1849–1915) — математик, академик ИАН, председатель Ученого комитета МНП и член Совета при министре просвещения.
[32] Граве Дмитрий Александрович (1863–1939) — математик, профессор Киевского университета.
[33] Имеется в виду академик Иван Парфеньевич Бородин, женатый на тетке В. П. Перетца.
[34] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 205 об. — 206.
[35] Ардашев Павел Николаевич (1865–1924) — историк, политический публицист, профессор Киевского университета. Член партии «Всероссийский национальный союз».
[36] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 210–210 об.
[37] РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 12–12 об.
[38] *Кирикова О. А.* По ступеням академических степеней: публикация записок об ученых трудах А. А. Шахматова // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 45. 45.
[39] РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 12; СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1140. Л. 213, 214, 215 об., РО ИРЛИ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 528. Л. 4–7 об.
[40] СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 987. Л. 8.
[41] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 17–17 об.; к протоколу Общего собрания от 13 января 1914 г. приложены «Записка о научной деятельности и ученых трудах В. Н. Перетца» и «Перечень трудов проф. В. Н. Перетца, насчитывающий 104 печатные работы (за 1892–1913)»: Там же. Л. 30 об. — 36 об.
[42] СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 40 об.
[43] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 11; письмо В. Н. Перетца к Н. А. Котляревскому // РО ИРЛИ. Ф. 135. Оп. 2. Д. 528. Л. 10.
[44] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 11.
[45] Второй кандидат ОРЯС В. С. Иконников также успешно прошел баллотировку в Общем собрании, получив 22 белых шара: СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 161. Л. 40 об.
[46] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 125. Л. 12–12 об.
[47] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 17 об.
[48] Речь идет о Егоре Абрамовиче Перетце, занимавшем высокие посты в государственном управлении при Александре II. Он приходился В. Н. Перетцу двоюродным дедом. Будущий академик лукавил, не упоминая о том, что его родной дед был членом одного из тайных обществ и в 1826 г. как декабрист оказался сослан в Пермь. После смены в России политического режима В. Н. Перетц вместе с братом опубликовал о нем книгу: *Перетц Вл. Н. и Л. Н.* Декабрист Григорий Абрамович Перетц: Биографический очерк. Документы. Л., 1926.
[49] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 18.
[50] Там же. Л. 15–15 об.
[51] РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 91. Л. 13 об.
[52] СПбФ АРАН. Ф. 332. Оп. 2. Д. 181. Л. 46 об.
[53] СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 37. Л. 5–7 об.
[54] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 23–23 об.
[55] Можно предположить, что Президент АН способствовал рассмотрению только дела В. Н. Перетца, ибо проходивший вместе с последним через все перипетии выборов В. С. Иконников был утвержден ординарным академиком значительно позже — приказом по гражданскому ведомству от 16 июня 1914 г.
[56] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 34 об.
[57] Правительственный вестник. 1914. 25 апреля. № 91. С. 2.
[58] СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 125. Л. 18.
[59] СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 37–37 об.

Список сокращений:
ИАН — Императорская Академия наук
МНП — Министерство народного просвещения
ОРЯС — Отделение русского языка и словесности ИАН
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

References

GRUZDEVA E. N. *Vladimir Nikolaevich Peretts v Kieve. 1903–1914 (iz perepiski V. N. Perettsa s A. A. SHakhmatovym)* [Vladimir Peretz in Kiev. 1903–1914 (from the correspondence of V. N. Peretz and A. A. Shakhmatov). In Russ.] // Akademik A. A. SHakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: Sbornik statej k 150-letiyu so dnya rozhdeniya / Otv. red. O. N. Krylova, M. N. Priemysheva. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. S. 150–166.

KIRIKOVA O. A. *Po stupenyam akademicheskikh stepenej: publikatsiya zapisok ob uchenykh trudakh A. A. Shakhmatova* [Steps of Academic Degrees: publication of notes on the scientific works of A. A. Shakhmatov. In Russ.] // Akademik A. A. SHakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoe nasledie: Sbornik statej k 150-letiyu so dnya rozhdeniya / Otv. red. O. N. Krylova, M. N. Priemysheva. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. S. 41–59.

PERETTS V. *K voprosu ob uchrezhdenii ukrainskikh kafedr v universitete* [To the Question of the Establishment of Ukrainian Departments at the University. In Russ.] // Kievskaya starina. 1906. T. XCIII. Maj–iyun'. Razd. «Dokumenty, izvestiya i zametki». S. 43–49.

PERETTS VL. N. I L. N. *Dekabrist Grigorij Abramovich Peretts: Biograficheskij ocherk. Dokumenty*. [Decembrist Grigorii Abramovich Peretz: Biographical Sketch. Documentation. In Russ.] Leningrad, 1926.

Pravitel'stvennyj vestnik. 1914. 25 aprelya. N91. S. 2.

ROBINSON M. A. Sud'by akademicheskoj ehlity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 — nachalo 1930-kh godov). [Fates of the Academic Elite: Slavic Studies in Russia (1917 — early 1930s). In Russ.] Moscow, 2004 (Gl. V: V. N. Peretts i ego nauchnaya shkola). [(Chapter V: V. N. Peretz and his Academic School).]

Список литературы

Груздева Е. Н. Владимир Николаевич Перетц в Киеве. 1903–1914 (из переписки В. Н. Перетца с А. А. Шахматовым) // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 150–166.

Кирикова О. А. По ступеням академических степеней: публикация записок об ученых трудах А. А. Шахматова // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие: Сборник статей к 150-летию со дня рождения / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 41–59. С. 45.

Перетц В. К вопросу об учреждении украинских кафедр в университете // Киевская старина. 1906. Т. XCIII. Май–июнь. Разд. «Документы, известия и заметки». С. 43–49.

Перетц Вл. Н. и Л. Н. Декабрист Григорий Абрамович Перетц: Биографический очерк. Документы. Л., 1926.

Правительственный вестник. 1914. 25 апреля. № 91. С. 2.

Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М., 2004 (Гл. V: В. Н. Перетц и его научная школа).

Е. Н. Груздева. Избрание в ординарные академики В. Н. Перетца (реконструкция событий по архивным материалам)

Выборы нового действительного члена в состав Санкт-Петербургской академии наук в начале XX в. были не только внутренним делом этого учреждения. Фигура кандидата и ход выборной кампании подчас вызывали в околонаучной среде возражения, споры или даже провоцировали столкновения разных политических мнений. Примером подобной неоднозначной реакции общественности может быть история выдвижения и утверждения в составе академии филолога В. Н. Перетца, профессора Киевского университета, активного сторонника признания прав малорусского языка и развития национальной

науки на Украине. Настоящая статья представляет попытку реконструкции событий 1913–1914 гг., когда проходила кампания избрания его в Отделение русского языка и словесности АН.

***Ключевые слова*:** Санкт-Петербургская академия наук, выборы в академики, Отделение русского языка и словесности, В. Н. Перетц, националисты-черносотенцы, украинский «сепаратизм»

E. N. Gruzdeva. V. N. Perets' election to the post of ordinary academician (Reconstruction of the events according to archival materials)

Electing a new permanent member to the St. Petersburg Academy of Sciences in the early 20th century was not only an internal matter of this institution. The figure of the candidate and the progress of the election campaign sometimes caused objections and disputes or even provoked conflicts between different political opinions within the pseudo-scientific environment. An example of such an ambiguous publicity reaction may be the story of the nomination and approval as part of the Academy of the philologist V. N. Perets, Professor of Kiev University, active supporter of the recognition of the rights of the Malorussian language and development of the national science in Ukraine. The present article shows the attempt to reconstruct the events of 1913–1914, when there was a campaign to elect him to the Department of the Russian Language and Literature of the Academy of Sciences.

Key words: St. Petersburg Academy of Sciences, election, Department of the Russian Language and Literature, V. N. Perets, nationalists-chernosotentsy, Ukrainian «separatism».

Груздева Елена Николаевна — к. и. н., заведующая отделом СПбФ АРАН.
Gruzdeva Elena Nikolaevna — PhD, Head of Department of the SPbB ARAS.
E-mail: elgru@rambler.ru